
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

V.S. Ufaeva

**Conditions of Forming
a Common Eurasian Cultural
and Communicative Space**

The issues of forming a common Eurasian cultural and communicative space in conditions of integration processes are analyzed. The possibility of effective cultural and communicative integration basing on constructing the Eurasian civilization community using both the common linguacultural code and the common model of information and communicative impact while reserving cultural identity is considered.

Key-words and word-combinations: cultural and communicative space, integration, linguacultural code, cultural identity.

Анализируется формирование единого евразийского культурно-коммуникативного пространства в условиях интеграционных процессов. Рассматривается возможность проведения культурно-коммуникативной интеграции на основе построения евразийской цивилизационной общности с использованием единого лингвокультурного кода и единой модели информационно-коммуникативного воздействия с сохранением при этом культурной идентичности.

Ключевые слова и словосочетания: культурно-коммуникативное пространство, интеграция, лингвокультурный код, культурная идентичность.

УДК 338(470+571)

ББК65.9(2Рос)

В.С. Уфаева

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЕВРАЗИЙСКОГО КУЛЬТУРНО- КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

Современная социокультурная ситуация характеризуется динамичностью социальных процессов, возрастающей ролью казуальных факторов общественного развития, а также повышением взаимозависимости и взаимответственности государств, народов и культур. Такие условия актуализируют вопрос о способности культуры отдельно взятого государства адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям, проявить готовность к конструктивному диалогу, выстраивать отношения на принципах уважения, открытости и толерантности и способности формировать единое культурно-коммуникативное пространство в ситуации интеграции.

Интеграционный евразийский процесс невозможно представить без изменения и развития гуманитарной сферы, сферы идей, и культурно-коммуникативного пространства в целом, где формируются смыслы и ценнос-

ти. Зацикленность на рыночных стратегиях содействует вакууму культурно-информационной сферы и отсутствию возможности создать единую коммуникационную политику, что, в свою очередь, может способствовать «возникновению эффекта разрыва между ЕврАзЭС и гражданами стран, входящих в это сообщество» [1, с. 176]. По мнению Е. Винокурова и А. Либмана, «парадоксальным образом в постсоветском мире реального успеха может добиться лишь достаточно глубокая форма интеграции» [2, с. 38]. Совершенно очевидно, интеграция представляет собой усложнение, требующее более эффективного управления, направления и развития.

Стратегический курс России на евразийскую интеграцию в рамках Таможенного союза и единого экономического пространства Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан указывает на необходимость евразийского информационного прорыва. Статья Президента России В.В. Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» отражает идею «тесной интеграции на новой ценностной, политической, экономической основе» [3]. Представляется возможность формирования наднационального объединения, «способного стать одним из полюсов современного мира» [3].

Интеграционной составляющей всех процессов является коммуникация, способствующая формированию «искусства жить вместе». Формирование единого евразийского культурно-коммуникативного пространства можно назвать *культурно-коммуникативной интеграцией*, то есть такой формой взаимодействия, при которой происходит объединение культур, формальных и неформальных норм, обычаев, нравов и ценностей. Такое единение – интеграция – предопределяет «высокий уровень доверия и понимания между всеми, кто ощущает и признает свою сопринадлежность такому целому» [4, с. 538].

С целью сохранения культурной идентичности стран – участниц ЕврАзЭС следует развивать коммуникативную политику по индивидуальной для каждой страны траектории. Однако коммуникация в целом, а межкультурная коммуникация в частности должна стать эффективным механизмом, активизирующим интеграционные процессы. При этом коммуникация способна как стимулировать процесс принятия политических и экономических решений, так и становиться механизмом формирования евразийской культурной идентификации на основе общечеловеческих ценностей. Межкультурная коммуникация предполагает считывание культурных кодов и их декодирование, причем коды или культурные значения выходят за рамки внутреннего личностного понимания. В культуре нет ничего, что не содержалось бы в человеческой ментальности [5, с. 27].

В вопросе формирования общего культурно-коммуникативного пространства и разработки коммуникативных стратегий межкультурного диалога становится необходимым учитывать различие интенсивности коммуникативных процессов разных культур. Культуры с хорошо развитыми и гармоничными внутренними и внешними коммуникациями обычно определяются как *«открытые» коммуникативные культуры*. Необходимым условием развития и существования подобных «открытых» культур является процесс активного и безбоязненного взаимодействия с иными культурными формами и типами. Для

культуры «*закрытого*» коммуникативного типа характерно доминирование внутренних коммуникаций, с четко регламентированными коммуникативными процессами, что становится определенным препятствием на пути повышения эффективности межкультурных коммуникаций. Способность культуры вступать в коммуникации, связи и отношения с другими культурами и развиваться под их влиянием, сохраняя собственную идентичность, можно назвать *коммуникативным потенциалом*. основополагающими характеристиками коммуникативного потенциала культуры являются *коммуникативная устойчивость* и *коммуникативная изменчивость (трансформативность)*. Степень коммуникативного потенциала культуры выражается следующими качествами: 1) возможность сохранения своего культурного ядра в виде базовых ценностей, смыслов и традиций при высоком уровне коммуникативной открытости; 2) способность адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям социальной реальности, проявляя гибкость, отзывчивость и динамичность. Чем больше выраженность приведенных характеристик, тем выше степень коммуникативного потенциала культуры.

Ценности и жизненный ритм различных мировых культур современного мира накладывают отпечаток на характер их взаимодействия. Взаимодействие различных культур становится настолько тесным, что из простого взаимодействия оно перерастает во «взаимопроникновение» и даже «взаимовлияние». Именно поэтому интеграционные процессы, которые оставляют право на культурную идентичность при формировании новых общих культурных основ, могут противостоять процессам глобализации и унификации культурной идентичности.

Животрепещущие споры и мысли о развитии современной цивилизации, роли и месте национальных культур и их взаимодействия ведутся не одно столетие. Философские и социологические работы указывают, что при современных глобализационных тенденциях самосознание локальной культуры остается на высоком уровне, а в некоторых случаях происходит борьба за ценности и устои. Ю. Хабермас рассуждал о глобализации как «новой необратимости» [6, с. 147], З. Бауман отождествлял ее с «концом однозначности» [7, с. 217]. Р. Робертсон отмечал, что локальное и глобальное не исключают друг друга [8, с. 162]. Наоборот, локальная культура является аспектом глобальной, мировой культуры, то есть приходится констатировать так называемую *глокальную культуру*. Глокальную культуру отличает способность осуществления взаимодействия и взаимопроникновения с локальными культурами как культурно-историческими образованиями, обладающими собственной ментальностью и способными сохранить свою идентичность в условиях глобализационных процессов.

Среди положительных характеристик евразийского интеграционного процесса – право на культурную самоидентичность, которая становится залогом равноправных отношений, основанных на принципах уважения и толерантности при условии «равноценности всех культур и народов» [9, с. 5]. Единое культурно-коммуникативное пространство на территории стран ЕврАзЭС следует формировать с учетом недостатков глобализационных процессов во избежание локальных конфликтов, таким образом предоставляя право локальной культуре на самодетерминацию, сохранение своей идентичности, но одновре-

менно пытаться находить пути к эффективному межкультурному взаимодействию. Нарастающая сила самодетерминации, заложенная в локальной культуре, способствует раскрытию ее мощнейшего потенциала, реализуемого в процессах социальных преобразований [10, с. 228].

Общим основанием коммуникативного интеграционного процесса может стать единая *цивилизационная общность*. А.В. Окара считает, что «цивилизационная общность не тождественна ни религиозно-конфессиональным, ни культурным, ни этническим, ни расовым, ни языковым факторам» [11]. В качестве главного критерия цивилизации автор видит «наличие определенного набора трансцендентных представлений о бытии, об абсолютной реальности, о времени, вечности, смысле существования» [11].

Предложенная Ю. Хабермасом идея коммуникативного действия предполагает, что участники интеракции «согласовывают и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересубъективным признанием притязаний на значимость... на истинность, на правильность и на правдивость» [12, с. 91]. Таким образом, можно предложить рассматривать в качестве базовых принципов взаимодействия когерентность (согласование поведения субъектов во времени и пространстве относительно основных целей и направленности их действий) и транспарентность («прозрачность» и открытость действий, возможность осуществления общественного контроля над действиями власти). Эти принципы должны быть положены в основу современной культурной и информационной политики национальных государств в условиях глобализации, когда актуальными становятся координация информационных и коммуникационных потоков и, соответственно, согласование планов действий.

Координация – это открытый, нацеленный на коммуникацию и диалог сверхсложный процесс инициирования самоорганизационных креативных потенциалов системы. Он ориентирован на формирование общих ценностно-смысловых оснований, которые должны лежать в фундаменте коммуникативных процессов всех уровней. Координация сродни процессам «возбуждения среды» с целью достижения общего понимания ситуации и перспектив. Опора на принципы когерентности и транспарентности позволяет регулировать информационные потоки, тем самым повышая уровень взаимопонимания и межкультурной компетентности, то есть способности членов некоей культурной общности «добиваться понимания в процессе взаимодействия с представителями другой культуры с использованием компенсаторных стратегий для предотвращения конфликтов “своего” и “чужого” и создавать в ходе взаимодействия новую межкультурную коммуникативную общность» [13, с. 280]. Инструментами координации являются не только культурная и информационная политика государства, но и институты гражданского общества, международные организации гуманистической направленности. Исходя из этого, координация предполагает опору на принципы, созвучные принципу транспарентности, – открытость, толерантность и диалог, межкультурную компетенцию и коммуникативную рациональность.

С учетом того что межгосударственным языком общения евразийского про-

странства является русский, а заложенные в его этимологической основе единые трансцендентные представления о бытии определяют наличие единого *лингвокультурного кода*, появляется возможность выделить и сформировать *единую евразийскую цивилизационную общность*. В основе лингвокультурного кода лежит русский язык, отражающий образы, идеи, концепты, идентичности, символы, мифы, тексты и нарратив евразийской цивилизационной общности.

В противостоянии новым вызовам евразийской интеграции может помочь разработка единой стратегии информационно-коммуникативного воздействия. Такое воздействие можно представить в виде трехуровневой модели: внешнее, внутреннее и технологическое, базирующиеся на *лингвокультурной, лингвокоммуникативной и коммуникационной стратегиях*.

Внешнее информационно-коммуникативное воздействие основано на *лингвокультурной стратегии*. Механизмы данного уровня способствуют распространению евразийской идеологии и культуры языковыми средствами. При этом повышается статус русского языка в мире как языка – носителя евразийского культурного кода. На основе распространения новых стереотипов и образов происходит формирование более благоприятного евразийского имиджа. Языковыми средствами обеспечивается информационное сопровождение решений актуальных внешнеполитических задач.

Внутреннее информационно-коммуникативное воздействие может быть представлено *лингвокоммуникативной стратегией*, рассчитанной на долгосрочный период социального взаимодействия «с использованием лингвистических средств, обеспечивающих осмысление, понимание, кодирование, трансляцию и реализацию наиболее значимых идей и практик» [14]. Стратегии рассматриваемого вида воздействия могут быть направлены на активизацию использования русского языка как в межгосударственной, так и личной коммуникации между населением евразийского коммуникативного пространства. На данном уровне существует возможность выработки у элит и обществ евразийского коммуникативного пространства привычки к взаимодействию и возможность определить преимущества совместного внешнеполитического, экономического и прочего сотрудничества. Лингвокоммуникативная стратегия предполагает, что русский язык может стать источником информации не только о странах – участницах евразийской интеграции, но и о других государствах. Подобно механизмам распространения корпоративной культуры, на внутреннем информационно-коммуникативном уровне воздействия представляется возможным эффективно вовлекать членов интеграционного процесса, то есть встраивать «в институциональный процесс обучения интеграционному поведению» [15, с. 539]. Более того, именно на уровне внутреннего воздействия возможно привить единый евразийский культурный сценарий, предложив новое культурное евразийское измерение – евразиезацию.

Технологический, или *коммуникационный, уровень воздействия* посредством использования информационно-коммуникационных технологий способен упрощать коммуникационные процессы за счет своей большей мобильности, компактности, быстродействия, интерактивности, впечатляющего объема памяти, мощных графических средств [16]. Этот уровень воздействия обеспечивает доступность информации для участников коммуникации в рамках евразийско-

го культурно-коммуникативного пространства. Механизмы коммуникационного уровня способны содействовать формированию единого организационного ресурса, то есть появляется реальная возможность создания единой интеграционной сети, способствующей упрощению координации поведения компонентов единого механизма. Современные информационно-коммуникационные технологии определяют перспективы создания и использования качественно «новых» аудиовизуальных медиа, базирующихся в сети Интернет. Наиболее актуальным является вопрос информационной безопасности, который также можно решить на коммуникационном уровне воздействия.

Общие экономические и политические евразийские приоритеты в сочетании с общими культурными ценностями и учетом разнообразия национальных культур, на наш взгляд, могут определить эффективность евразийского культурно-коммуникативного интеграционного процесса. Евразийская интеграция должна включить поэтапное выстраивание единого культурно-коммуникативного и медиакультурного пространства. Необходимо сформировать общие механизмы евразийских отношений и ценностей. Единое коммуникативно-культурное пространство должно трансформировать парадигму конфликтности культур к парадигме дополненности культур и способствовать становлению общей евразийской ментальности. Интеллектуальная интеграция как часть процесса коммуникативно-культурной интеграции должна стать залогом духовного обогащения народов Евразии и личных творческих достижений. Открытый общественный диалог следует проводить при участии заинтересованных в интеграционном процессе сторон, с активным обменом идеями и мыслями о возможностях создания эффективного культурно-коммуникативного пространства, с целью активизации евразийского интеграционного процесса.

Библиографический список

1. *Малиновский А.С.* Культурная глобализация (глокализация): локальное и транснациональное // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. 1 (129). С. 176–178.
2. *Винокуров Е., Либман А.* Постсоветский интеграционный прорыв: Почему Таможенный союз имеет больше шансов, чем его предшественники // Россия в глобальной политике. М., 2012. Т. 10, № 2, март – апрель.
3. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2012. 3 окт. URL: <http://www.izvestia.ru/news/502761>
4. Современная мировая политика: прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2010.
5. *Стриганкова Е.Ю.* Социально-духовный аспект коммуникативных практик современного социума // Известия Саратов. гос. ун-та. 2011. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Т. 11, вып. 3.
6. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
7. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.
8. *Robertson R.* Globalization // Featherstone M.u.a. (Hg.), Global Modernities. London, 1995.
9. *Кокоревич М.Н.* Принципы уникальности и равноценности культур как условие межкультурной толерантности // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2010. Вып. 5 (95). С. 5–11.
10. *Библер В.* Культура: Диалог культур // На гранях логики культуры: книга избранных очерков. М., 1997.

11. *Окара А.* В окрестностях нового Константинополя // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2012. № 1/2.
12. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / под ред. Д.В. Складнева. СПб., 2001.
13. *Лукьянчикова М.С.* О месте когнитивного компонента в структуре межкультурной коммуникации // Россия и Запад: диалог культур. М., 2000. Вып. 8, т. 1.
14. *Стриганкова Е.Ю.* Лингвокоммуникативные стратегии социального взаимодействия // Вестник ПАГС. 2010. № 2 (23). С. 225–231.
15. Современная мировая политика: прикладной анализ. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. А.Д. Богатуров. М., 2010.
16. *Астафьева О.Н.* Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура и общество в контексте глобализации: мат-лы Междунар. конф., 25–27 ноября 2005 г., Москва. М., 2006.

A.N. Yeletsky
Dynamics of the Russian
Economy's Dualism
as the Subject and the Object
of the Geo-Economic System

The contradictoriness of Russia's positions as the subject and the object of the global interactions is analyzed. The special attention is paid to the ways of increasing Russia's geo-economic and geopolitical significance in the world economic system. The importance of the Eurasian integration's consolidation and the necessity of strengthening the cooperation with the key emerging markets and BRICS countries are examined.

Key words and word-combinations: dualism of the Russian economy, multipolarity, global contradictions.

Анализируется противоречивость позиций России как субъекта и объекта глобальных взаимодействий. Особое внимание уделяется направлениям повышения геоэкономической и геополитической значимости России в мирохозяйственной системе. Рассматриваются важность укрепления евразийской интеграции и необходимость усиления сотрудничества с ключевыми развивающимися рынками и странами БРИКС.

Ключевые слова и словосочетания: дуализм российской экономики, многополярность, глобальные противоречия.

УДК 338(470+571)
ББК65.9(2Рос)

А.Н. Елецкий

ДИНАМИКА ДУАЛИЗМА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Россия занимает важное место в системе становления многополярного геоэкономического миропорядка и имеет определяющее геополитическое и геостратегическое значение в рамках укрепления полицентрической системы международных отношений. В то же время с точки зрения текущего веса в глобальной экономике российская экономика не занимает доминирующих позиций. Возник феномен противоречивого дуализма роли России в мирохозяйственной системе в качестве, с одной стороны, заметного (а в геополитическом аспекте – и ключевого) субъекта глобальных взаимодействий, а с другой – второстепенного объекта, экономичес-